

Всё наоборот

Заходят как-то русский, японец и француз в ирландский бар. Никто из них чужого языка не знает, каждый говорит лишь на своём. Садятся за стойку. Русский хочет пива. «Пива!» — говорит русский. Бармен смотрит на него удивлённо и не понимает, чего от него хотят. «Пии-воо. Пиво», — повторяет русский. «Видно, хочет чего-то, — думает ирландец. — Ну, не зря ж пришел. А чего хочет? Налью-ка я ему наш фирменный виски», — думает бармен и наливает русскому виски. Это не то, чего хотел русский, но, думает он, и виски сойдёт.

Японец смотрит на всё это и думает: «Похоже на оцуруй сётю. Надо бы попробовать, как его в Ирландии готовят. Но как? Надо попросить то же, что и русский». «Пиво», — говорит японец бармену и получает свой виски. Теперь даже француз стало очевидно, что если хочешь виски, скажи «Пиво». Так слово «Пиво» обрело своё значение и смысл.

Француз не хотел виски, он хотел вина. «Вино», — заказывает француз, и бармен наливает ему пинту душистого эля. Теперь русский знает, что ему попросить вместо «Пиво».

«С тебя пять евро», — говорит ирландец француз. «Пять» — повторяет он, поднимая разжатую пятерню. Француз не понимает его и хлопает ладонь ирландца своей. Бармену кажется, что так француз говорит «отвали», чего ни один ирландец у себя в баре не потерпит. Он хватает француз за грудки, прижимает к стойке, выворачивает его карманы, забирает кошелек и, отсчитав положенную сумму, возвращает назад. «Какого чорта?!» — кричит француз, выражая явное возмущение. «Вино — пять евро, — отвечает ирландец. — А пиво — три евро», — говорит он, обращаясь к японцу. Японец уже понимает, что с него требуют деньги за виски и что иначе его будут хватать за грудки, но не понимает, сколько с него требуют, и потому просто отдаёт ирландцу кошелек. Бармен отсчитывает положенное со словами «Три евро» и возвра-

щает остальное. «И с тебя три евро», — говорит ирландец русскому, и тот уже прекрасно понимает, что такое три евро и чем они отличаются от пяти.

Француз всё ещё хочет вина. Просить вновь «Вино» бессмысленно — дадут эль, и француз начинает перебирать слова. Когда после нескольких безуспешных попыток, в ходе которых определились другие слова, бармен, наконец, подал бокал красного сухого вина на слово «Джин», француз не остался доволен — ведь он хотел сладкого. «Сладкий джин», — просит он вновь. «Сладкий, — повторяет он, указывая на сахар, стоящий за барной стойкой. — Сладкий джин!» «Белое — так белое», — думает ирландец и подаёт француз бокал белого сухого вина. Бедный француз. Но кто ж разберёт, указывает ли он на цвет или на вкус сахара! Зато теперь все знают, что «сладкий» — это «белое».

Выпив виски, дружелюбный русский полез обниматься. «Давай обнимемся!» — говорит он француз и, несмотря на недоумение последнего, сгребает его в охапку. «Давай обнимемся!» — говорит он японцу; японец тоже выпил виски и ему приятно обняться с русским. «Давай обнимемся!» — говорит русский ирландцу. Ирландец уже понимает, что значат эти слова. «Нет», — говорит он и смотрит так, что всем ясно, что ирландец выразил отказ. Негоже

ирландцу обниматься с выпившими мужчинами в рабочее время.

Под конец вечера уже каждый знал, как сказать «водка», «ещё», «передай», «закончилось», «семь», «хватит» и т.д. И пусть это была дикая смесь из русских, японских, французских и ирландских слов, и пусть их звуки значили совсем не то, что они означали в родном языке, и пусть недопонимание то и дело возникало вновь, наши друзья нашли, а вернее — создали общий язык. Так слова могут обретать значение и смысл в условиях, когда ещё нет других слов, чтобы их объяснить.

Слова не обозначают вещи. Нет такой вещи, которую бы обозначали слова «Давай обнимемся!», «Пять» или «Ещё». Было бы ошибкой считать, что слово «Пиво», произнесенное в баре, обозначает тот стакан виски, который ирландец подал русскому. Разве не обозначает оно в этом случае и тот, что он подал японцу? Если русский с японцем выпьют свой виски — разве лишится слово «пиво» своего значения? Разве потеряет оно значение, даже если весь виски в баре закончится? Будет ли оно обозначать виски, который произведут завтра? Да и вообще весь анекдот мною выдуман — что же, значения слов, в нём использованных, тоже стали лишь чем-то мною придуманным? Что же обозначает слово: данную конкретную вещь или какое-то странное, изменчивое, полное несуществующих и квазисуществующих элементов множество (включающее и конкретные вещи; и вещи, которые уже или ещё не существуют; и воображаемые вещи, которыми пользуются воображаемые персонажи вымышленных историй; и т.п.)? Но ведь на множество не указать, на него не повесить ярлык, ибо множество — не вещь. Но слова не обозначают и множества.

Значение слова не есть его употребление. Употребление — это вообще процесс; в крайнем случае — акт. Но значение не есть ни акт, ни процесс. Несомненно, значение слов *устанавливается* в ходе их употребления, *зависит* от их употребления, *изменяется* в процессе употребления — но это ещё не говорит нам о том, что такое значение. Значение не есть также и *способ* употребления слов, поскольку значение — это вообще не способ, это не «то, как»; значение есть «то, что»; «то, как» — это смысл

(я попробую показать это ниже).

Значением слова является предмет *мысли*. Но слово не выражает мысль и не передаёт её, не «несёт её в себе». Если б оно несло, с пониманием не было бы проблем во-все. Но этим наборам буковок, которые ты сейчас видишь перед собой, или звукам, которые ты слышишь, просто нечем её нести. Посмотри на китайский иероглиф или неизвестное тебе русское слово — есть ли в этом «материальном носителе» самом по себе нечто большее, помимо его материала? В отсутствие интерпретатора, знаки вообще не имеют никакого значения. Мыслями обладает человек.

Словом можно выразить мысль, но в таком случае оно перестаёт быть словом, перестаёт выполнять функцию слова — оно становится сигналом, аналогичным сигналам животных. Когда шимпанзе видит леопарда, он издаёт определенный крик (их сигналы довольно хорошо дифференцированы и крик «леопард!» будет отличаться от крика «гиена!»). Для других шимпанзе его стаи этот крик — сигнал о приближении леопарда. Крик «леопард!» и сам леопард связаны для них условно-рефлекторной связью, и потому на крик «леопард!» они реагируют так же, как и на самого леопарда — бегством (здесь — биологические корни связи слов и предметов). Но тот шимпанзе, который кричит «леопард!», кричит не для того, чтобы кого-то предупредить, а потому что испытывает ту гамму эмоций, которую испытывает всякий нормальный шимпанзе при виде леопарда. Этот крик порождается его эмоциональным состоянием и выражает его, и потому он не имеет направленности, он не адресован другим — шимпанзе будет кричать точно так же, даже если рядом не будет никого из соплеменников, кто бы мог его услышать¹. Так и человек, например, кричит от боли — он кричит не *кому-то* и не *для чего-то*, он кричит *из-за того* и *потому, что* он чувствует. В отличие от сигналов животных, слова имеют направленность: они обращены к другому.

Слова *всегда* обращены к другому. 1) Штирлиц пришёл домой. Дома никого не было. «Принеси-ка мне, голу-бушка, кофе», — сказал Штирлиц. Ну что за ерунда! 2) Штирлиц пришёл домой. Дома никого не было. Штирлиц задернул шторы, сел в кресло и затанул «Ой ты степь широкая». И это — не речь. Это — выражение эмоционального состояния; и не дай бог кто-то услышит этот

1. Все сигналы животных таковы. Порой кажется, что они имеют направленность; что когда альфа-самец бычит и кричит на самца, посягнувшего на его власть, он кричит именно на него и ему. Не совсем: он кричит не ему, а в силу своего эмоционального состояния, этим самцом вызванного. В отсутствие другого самца, в естественных условиях такое эмоциональное состояние просто ничем больше не возбуждается; но его можно вызвать, поставив в вольере зеркало. Посмотри, как на зеркало реагирует гамадрил в фильме Феликса Соболева «Язык животных».

сигнал! 3) Штирлиц пришёл домой. Дома была горничная. «Принеси-ка мне, голубушка, кофе», — сказал ей Штирлиц. Вот — речь.

Первые «слова» ребёнка, помимо криков-сигналов, — это не слова, но лишь звукоподражание: ребенок, как и детёныш любого животного, пытается подражать взрослым во всём. Но взрослый обычно произносит слова в определённых ситуациях: он показывает ребёнку мяч и говорит «мяч», он даёт ребёнку мяч и говорит «мяч». Ребёнок пытается звукоподражать и говорит: «мясь». Звук слова ассоциируется у него с данной ситуацией, конкретно — с тем, что в данный момент является объектом его внимания. Между данным объектом и звуком «мяч» устанавливается условно-рефлекторная связь.

1) Допустим, что данный объект — мяч. Вот ребёнок видит на полке мяч. Ему интересен мяч, он хочет овладеть мячом, но не может до него дотянуться. Что делает любое животное, желающее, но не могущее овладеть тем, что выступает для него безусловным стимулом? — Пытается овладеть тем, что выступает условным. Так собака Павлова начинает облизывать лампочку, когда нет еды. Так ребёнок, не в силах овладеть мячом, произносит звук слова. Что делает взрослый, когда слышит от ребёнка этот звук? Даёт ему мяч. Удовлетворение желания служит подкреплением условно-рефлекторной связи.

2) Допустим, что данный объект — заяц, стоящий на полке, и именно к нему приковано внимание ребёнка, когда взрослый говорит «мяч». Вот ребенок смотрит на зайца и хочет им завладеть. «Мясь», — говорит ребёнок, и взрослый даёт ему мяч, а не зайца. Ребёнок — в плач, взрослый — в недоумение. Этот неудачный для ребёнка случай сильно ослабит или даже разорвет связь «мяч»-заяц, и одновременно породит условно-рефлекторную связь «мяч»-мяч.

Ребёнок довольно скоро обнаруживает, что звуки слов

действуют не на вещи, соответствующие предметам его желаний, но на взрослых. Когда ребёнок начинает обрабатывать действие произносимых им звуков на других, тогда он и начинает, наконец, использовать их именно как слова. Слова служат ему для удовлетворения собственных желаний посредством взрослого: они становятся для него инструментом управления взрослым. Сказал «мясь» — получил мяч. Сказал «свет» — и стал свет. Правда, ребёнку ещё предстоит научиться успешно использовать этот инструмент управления взрослым²: ему необходимо понять, какое действие какие слова оказывают на взрослого. А то захочешь зайца, скажешь «мясь», и получишь не зайца, а мяч — обидно. Зато в следующий раз, когда ребёнок захочет не зайца, а именно мяч, он скажет «мяч». Ну вот, собственно, он уже и в баре, где на своё «Пиво» получает виски и учится тому, что ему сказать, когда захочется виски.

Слова по своей сути служат средством не выражения мысли (хотя микроскопом, конечно, можно и гвозди забивать), но средством её *порождения* у другого, у адресата, к которому обращена речь. Предмет мысли (образ, понятие, идея и т.п.), порождаемой словом, и есть его значение. Отношение слова (знака) и значения здесь есть отношение причины и её эффекта, где значение — это эффект действия слова. Так ртутный столбик в термометре под действием температуры поднимается до некоторой отметки, и об этом *эффекте* мы говорим как о *значении* температуры. Ты хорошо почувствуешь порождающую силу слова, если кто-то попросит тебя не думать о белой обезьяне: в противоречие с просьбой, слова сами вызовут у тебя мысль о ней.

Что является значением слова «яблоко»? Можно сказать, что его значением является *предмет*, если помнить, что этот предмет — не вещь. Этот предмет сродни предметам потребностей, желаний, интереса и т.д. Когда я хочу

2. Понятно, что у ребёнка нет умысла манипулировать взрослым. Более того, взрослый вообще мало интересен ребёнку в этом отношении: ему интересна и нужна вещь, соответствующая предмету его желания (а для ребёнка многим таким предметам поначалу соответствует лишь одна конкретная вещь, которую он непосредственно видит). Роль взрослого в процессе овладения вещью через слово ещё толком не вычленился ребёнком, его посредничество предстаёт чем-то вроде посредничества среды в диалоге — вроде бы все понимают, что без колебаний воздуха собеседник тебя не услышит, но кому при разговоре есть дело до воздуха? Налаженная благодаря взрослому условно-рефлекторная связь слова и вещи, соответствующей предмету желания ребёнка, оказывается столь сильна, что знание слова, овладение «именем» вещи оказывается равнозначно для него овладению самой этой вещью. Стремление владеть вещами оборачивается стремлением владеть словами, с чем связано «первое лингвистическое открытие» (по В.Штерну): ребёнок обнаруживает ярко выраженную инициативу в развитии словаря, постоянно спрашивает «Что это?», «Кто это?». По сути же ребёнок овладевает мощным инструментом воздействия на людей, имеющим своей первоочередной функцией удовлетворение посредством этого воздействия его потребностей и желаний, к чему подталкивает чрезвычайная эффективность этого средства — эффективность столь высокая, что ребёнку кажется, будто сказал — уже завладел.

съесть яблоко, моё желание предметно: я хочу не просто чего-нибудь неопределенного, я хочу именно яблоко, а не грушу. Если я хочу съесть яблоко, существует множество вещей, которые соответствуют предмету моего желания, однако предмет у моего желания — один. Вот передо мной лежит вещь, соответствующая предмету моего желания, я беру её и ем. Вот я её съел, но всё ещё хочу яблоко — моё желание ещё не до конца удовлетворено, я продолжаю испытывать то же самое желание того же самого предмета, хотя вещь, которая была передо мной и которая ему соответствовала, уже нет. Я съел вещь, а не предмет. Если вдруг обнаружится, что я только что съел последнее яблоко на планете, на предмете моего желания это может вовсе не отразиться: можно желать предметы, которым не соответствует ни одна вещь, хотя, в принципе, могла бы соответствовать. Можно желать и предметы, которым не соответствуют никакие вещи в принципе: можно хотеть спать, но какая вещь соответствует сну? Вещи существуют вне нас; предметы же принадлежат нам так же, как нам принадлежат наши потребности, желания и т.п., и не существуют вовне, как вне нас не существует самих этих потребностей и проч. Между прочим: предметы бесцветны (Л.Витгенштейн, Логико-философский трактат, п. 2.0232).

Предметы, обозначаемые словами, *сродни* предметам желаний, но не являются ими; они — предметы *мысли*. Предмет желания — как именно желания — не существует в отсутствие самого желания. Мысль может взять этот предмет и облечь в свою форму, и уже тогда, как предмет именно мысли, мы сможем рассмотреть, скажем, яблоко, без и помимо *желания* съесть яблоко.

Подумай о том предмете, который ты хочешь, когда хочешь выпить чаю. Просто подумай о нём, а не желай его и не представляй его в красках образного воображения. Когда ты хочешь чаю, предметом твоего желания может выступить просто чай — не какая-то конкретная чашка чая, не чёрный и не зелёный чай, не чай с сахаром и не чай без сахара. Такое желание, например, может побудить тебя отправиться на кухню, и уже там ты, возможно, начнёшь конкретизировать этот предмет, решая, какой чай из стоящих на полке тебе заварить и сколько ложек сахара положить. Так вот, подумай об этом исходном предмете — о чае — без и помимо желания, т.е. просто не испытывая желания по отношению к нему. В таком случае он выступит как предмет мысли. Вот это и есть то значение, которое для тебя имеет слово «чай». Разве предстают для тебя этот предмет и значение слова «чай» чем-то различным? Разве не находишь ты их тождества? Когда ты читаешь в книге «Пётр проснулся и позавтракал чаем с яблоком» —

разве значением слова «чай» для тебя не является этот же самый предмет мысли?

Мысль может делать своим предметом и то, что не может быть предметом желания: я не могу желать натуральных числа, но я могу о них думать.

Значения слова является предмет мысли, порожденной у *слушающего*; у того, к кому обращена речь. Когда русский в баре просил «Пиво», он пытался выразить своё желание, пытался донести его до бармена, передать его в слове; но к значению слова, которое оно в итоге обрело, это не имело никакого отношения. Слова как знаки не выражают и не переносят, они порождают мысли, и именно та мысль про виски, которая возникла у бармена, и определила значение слова. То же было и в случае с ребёнком, просящем «мясь», желая зайца. Значение определяет слушающий.

Но как все остальные в баре поняли, что за мысль родилась у бармена? Бармен её выразил. Налив и подав русскому виски, он показал *то, как* он понял это слово. Он совершил действие, соответствующее мысли, порожденной у него этим словом, в котором нашел своё отражение и её предмет. Когда взрослый дал ребёнку мяч, а не зайца, он выразил *то, как* он понимает слово «мяч». Когда бармен отнял у француза кошелек и отсчитал деньги, он показал *то, как* следует понимать его слова о пяти евро (и в итоге связал со словом «пять» у других именно ту мысль, которую хотел). Это «то, как» — это и есть смысл данного слова. Смысл выражается в акте, в действии, в деятельности, в поведении. Смысл слова есть мысль, вызванная этим словом, но взятая не просто как мысль, а в её отношении к действию; мысль, взятая в её практическом отношении.

Каков смысл слов «Кисловодск», «пятнадцать», «завтра», «вокзал»? Если противопоставлять отдельные слова предложениям, то, взятые сами по себе, слова не имеют никакого смысла. Я говорю тебе: «Пятнадцать» — и чего? Ты знаешь значение этого слова, но ты не видишь в том, что я тебе сказал, никакого смысла. А если я скажу тебе: «Завтра в пятнадцать часов с Казанского вокзала отходит поезд до Кисловодска», — помимо значения слов ты поймёшь и их общий смысл. Смысл в том, что, если твои практические интересы как-то связаны с этим поездом, если ты хочешь на нём уехать или собираешься кого-то провожать, тебе нужно попасть на вокзал к трём часам дня.

Если противопоставлять отдельные слова предложениям, смысл имеют именно предложения. Но и слова могут быть предложениями: первые слова ребёнка — это слова-предложения; в баре все общаются словами-предложениями. «Мяч» как слово имеет своим значением мяч (как предмет

мысли); «Мяч» как предложение имеет смысл «Дай мне мяч». «Пиво» как слово имеет своим значением виски; «Пиво» как предложение имеет смысл «Налей виски и дай мне». Смыслом не является само *действие*: когда я за обеденным столом прошу тебя передать мне соль, ты понимаешь смысл моих слов прежде, чем совершишь какое-либо действие. Может оказаться, что соль в итоге ты мне так и не передашь (если сам до неё не дотянешься или если просто откажешь мне), но смысл слов от этого не страдает. Смыслом не является также и сама эта *мысль как таковая*: когда мы заходим в лифт и я прошу тебя передать мне соль, в соответствии с тем значением, какое имеют для тебя данные слова, ты находишь мою просьбу совершенно бессмысленной, поскольку не понимаешь, какое действие в данных обстоятельствах могло бы соответствовать мысли, порожденной у тебя моей просьбой. Смысл — это не само действие и не сама мысль; смысл не есть также и само *отношение* мысли к действию; смысл — это *мысль, взятая в её отношении к действию*³.

Значение слов невыразимо (его можно объяснить, породив у другого представление о предмете⁴, но не выразить); смысл — выразим. Нельзя выразить значение слов «Мяч» или «Пиво», но можно выразить их смысл как смысл слов-предложений, что и делают взрослый и бармен.

В своём выражении смысл оказывается доступен другим; в этом выражении находит своё отражение значение, предмет. Как французу понять, обозначает ли «Пиво» виски, стакан с виски или сам акт его подношения? Ему следует наблюдать за тем, как другие реагируют на это слово в разных ситуациях: когда на слово «Пиво» бармен подаст виски не в стакане, а в стопке, француз поймёт, что дело не в ёмкости. Чем разнообразнее контекст употребления некоторого слова, тем лучше ребёнок понимает,

какое значение имеет оно для взрослого. Это значение отражается в том, как взрослый выражает смысл слова, произнесенного ребенком, — в том, как взрослый реагирует на это слово, что он делает и как себя ведёт. Значение слова для произнёсшего его определяется реакцией услышавшего, в которой услышавший выражает смысл этого слова — то, как он его понял. (В этом плане можно, конечно, сказать, что значение слов устанавливается в ходе их употребления, хотя под этим обычно понимают что-то другое.)

Смысл выражается вовне; значение как предмет мысли — всегда в голове. Да, меня тоже всю жизнь учили, что значение — это какой-то внешний объект, а смысл — он всегда внутренний; что говорящий что-то выражает и передаёт, а слушающий как-то это улавливает. Но не работает такая схема, и кажется, что всё наоборот.

Андрей Мерцалов

Художники:
Анна Давыдова
Марина Иванкова

3. Ты легко поймёшь, что «мысль в её отношении к» и само «отношение» или сама «мысль» — не одно и то же, по аналогии. Жена Саши — Мария. Мария как таковая, сама по себе (в частности — без и помимо Саши), не является женой; Мария сама по себе — человек. Жена Саши — это не отношение; жена Саши — Мария. Мария — жена, но только по отношению к Саше. Без этого отношения она — не жена; по отношению к кому-то другому она — не жена. Жена Саши — это Мария в её отношении к Саше. Смысл — это мысль в её отношении к действию.

4. Говорят: чему нет имени, чему нет места в языке, того не существует. Да нет, может существовать, просто не быть предметом (мысли, интереса и т.д.). Обычно мы думаем о том, что значимо для нашей жизни, делая это предметом мышления, и с этим предметом довольно быстро связывается слово. Когда вы слышите незнакомое слово и не находите (в себе) предмета, которое бы ему соответствовало, в большинстве случаев это означает, что данный предмет просто никогда не был для вас значим — вы не думали о нём, не интересовались им; для вас его будто бы не существовало. Но вот вам разъясняют его значение: с помощью комбинаций знакомых вам слов в вас порождают представление о том, о чем вы раньше и не думали или думали, но не придавали какой-то особенной роли. На этот новый сконструированный предмет теперь обращают ваше внимание и связывают с ним новое слово — так он становится для вас отдельным предметом, начинает существовать для вас как что-то самостоятельное. Именно так в своё время для автора обрели существование кутикулы — до 20 лет он и не подозревал, что они у него есть.